

ТАКЕ IT EASY или ХРОНИКИ
ЛЫСОГО АРХИТЕКТОРА

АЛЕКСАНДР ШТЕЙНБЕРГ
ЕЛЕНА МИЩЕНКО

ПОРТРЕТ НЕЗНАКОМОГО МУЖЧИНЫ

КНИГА 10

Эта серия книг посвящается архитекторам и художникам — шестидесятникам.

Удивительные приключения главного героя, его путешествия, встречи с крупнейшими архитекторами Украины, России, Франции, Японии, США. Тяготы эмиграции и проблемы русской комьюнити Филадельфии. Жизнь архитектурно-художественной общественности Украины 60-80х годов и Филадельфии 90-2000х годов. Личные проблемы и творческие порывы, зачастую веселые и смешные, а иногда грустные, как сама жизнь. Архитектурные конкурсы на Украине и в Америке. Книгу украшают многочисленные смешные рисунки и оптимизм авторов.

Серия состоит из 15 книг, связанных общими героями и общим сюжетом.

Иллюстрации Александра Штейнберга.

**Александр Штейнберг
Елена Мищенко
ПОРТРЕТ НЕЗНАКОМОГО
МУЖЧИНЫ**

**ЗАМЕТКИ В БЛОКНОТЕ РЕДАКТОРА
РУССКОЯЗЫЧНОЙ ГАЗЕТЫ**

И реклама, и объявления были самыми разнообразными: различных размеров, в различных шрифтах, на русском и на английском, в прозе и в стихах, правдивые и довольно сомнительные, кричащие, взывающие, уговаривающие, пугающие и заискивающие. Недаром этот раздел во всех газетах сопровождался примечанием: «За содержание рекламы и объявлений редакция никакой ответственности не несет». Рекламировались врачи всех профилей, юристы, магазины, рестораны, кафе, бани, прачечные, чистки, реалстейты. Объявления тоже принимались на самые различные темы: спрос труда, занятия, купля-продажа, деловые браки и просто браки, знакомства-дамы, знакомства-кавалеры, услуги, перевозки, рент, собаки и кошки... Некоторые из них носили довольно оригинальный характер. Я их приведу:

**Мы работаем только для Вас! Самое
главное**

ВАШ УСПЕХ:

**халатность врачей, неквалифицированное
медицинское обслуживание,
отравление некачественными продуктами,
травмы, укусы собак. (хорош успех).**

* * *

**ГРАНДИОЗНОЕ ПРАЗДНИЧНОЕ ШОУ.
ПАРАД ЗВЕЗД**

И тут же:

ГЕМОРОЙ ИЗЛЕЧИМ!!! (Создается
впечатление, что парад посвящен именно этому
достижению).

* * *

**РАСПРОДАЖА КАРНАВАЛЬНЫХ
КОСТЮМОВ**

Есть в продаже костюмы пирата и патриция.
Пират — размер сорок восемь, шея сорок один,
ожерелье — веселый Роджер (череп с костями).
Патриций — безразмерный, типа тога.

* * *

КАРТИНЫ, КАРТИНЫ, КАРТИНЫ

Продаются картины, написанные маслом настоящими мастерами. Картины на разные темы — Венеция, пейзажи, море, натюрморты, восход, закат, **ОБНАЖЕННЫЕ КРАСАВИЦЫ** и другие.

КАРТИНЫ НОВЫЕ В ПРЕКРАСНЫХ РАМАХ И ФАБРИЧНОЙ УПАКОВКЕ.

ВСЕ КАРТИНЫ НАРИСОВАНЫ ХОРОШИМИ ИЗВЕСТНЫМИ ХУДОЖНИКАМИ.

Цены как для быстрой продажи.

(Скромный конкурент аукционам Кристи и Сотби)

* * *

В некоторых газетах смешанная реклама, которая привлекает своим разнообразием:

НЬЮ-ЙОРК. ЛИНКОЛЬН ЦЕНТР ВОРТУОЗЫ МОСКВЫ. ВЛАДИМИР СПИВАКОВ

Билеты у Фиры тел. 267-964-32...

И в той же рамке:

**ГОСПОДА! НЕ ТЕРЯЙТЕ НАДЕЖДЫ!!
ГЕМОРОЙ ИЗЛЕЧИМ!!!**

Тел. 267-374-75...

Ищем кокер-спаниэля с хорошими документами.

Мальчика. ДЛЯ ВЗАИМНЫХ ИНТИМНЫХ ОТНОШЕНИЙ.

Кастрированного не предлагать!

ФИРМА «НАДЕЖДА». ПЕРЕВОДЫ В СТРАНЫ СНГ.

У НАС САМЫЙ БЫСТРЫЙ БИЗНЕС.

ВАШИ ДЕНЬГИ ЗАБИРАЕМ У ВАС ПРЯМО ИЗ ДОМА,

КАК ТОЛЬКО ВЫ ПОЗВОНИТЕ

(Предложение, напоминающее грабеж. Такая реклама и такое название наводят на размышления — деньги у вас отбирают, остается только надежда).

* * *

Срочно требуется работник для кровельных работ. Знание английского не обязательно. Опыт не обязателен. Тел. 215-346-2...

УБЕДИТЕЛЬНАЯ ПРОСЬБА К ПЬЮЩИМ — НЕ ЗВОНИТЬ!

(Такой страстный призыв — представляю, сколько человек у него попадало с крыши)

* * *

**УБИРАЮ ЖИВОТ И БЕДРА! ПРОСТО И
НАДЕЖНО!!**

ЗВОНИТЕ ПРЯМО СЕЙЧАС!!!

(Прямо какой-то членовредитель)

* * *

**У НАС ЕСТЬ БЛЕСТЯЩИЕ ИДЕИ
НАСЧЕТ ВАШИХ ПОТОЛКОВ.**

Лаковые, сатиновые, под мрамор, под гранит,
впервые — под джинсу.

* * *

В ресторане «Версаль» празднует свое
10-летие и представляет новую программу

«ПОЮ ДЛЯ ВАС НА УРА»

АЛЕКСЕЙ ВОЛЕРИАНОВ

ведущий солист Кировоградского театра

(не слишком ли юный солист?)

* * *

**ЕСЛИ У ВАС ДИАБЕТ, ОСТЕОПОРОЗ,
НАРУШЕНИЯ**

ЩИТОВИДНОЙ ЖЕЛЕЗЫ, ПОЛИКИСТОЗ
ЯИЧНИКА
И НАРУШЕНИЕ МУЖСКОЙ ПОЛОВОЙ
ФУНКЦИИ

ПРИХОДИТЕ К НАМ СЕГОДНЯ ЖЕ!
МЫ ВСЕГДА БУДЕМ ВАМ РАДЫ!

Тел. 215-712-3...

(удивительное радушие)

НОВИНКА!!! НОВИНКА!!!

**Боли в спине, боли в ногах, травмы,
потеря трудоспособности**

(хорошенькие новинки)

Физиотерапия и реабилитация

Тел. 215-442-2...

* * *

Встречались в газетах и оригинальные
сочетания:

МЫ СКОРБИМ

**О БЕЗВРЕМЕННО УШЕДШЕЙ ИЗ ЖИЗНИ
МАРИИ БОРЩЕВСКОЙ**

Семья Голдман

**Мы всегда рады будем разместить в нашей
газете и вашу рекламу.**

Многие рекламодатели, особенно медики и
фармацевты не ограничивались прозой:

БЕТРОМ ЗАЛЕЧИТ ВАШ АРТРИТ,

**И ВАС МГНОВЕННО ИСЦЕЛИТ!
БУДЕТЕ ЕГО ИМЕТЬ -
ПЕРЕСТАНЕТЕ БОЛЕТЬ!**

(Такая высокая результативность —
«мгновенно» очень привлекает).

* * *

**ПРОПАЛА СОБАКА —
КОККЕР-СПАНИЕЛЬ.
ОДИН ОШЕЙНИК СТОИТ 200
ДОЛЛАРОВ. СУКА .**

* * *

**ПРЕДЛАГАЕМ КЛИЗМУ «ТРИУМФ».
УСПЕХ ПРЕВОСХОДИТ
ВСЕ ВАШИ ВОЗМОЖНЫЕ
ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ**

* * *

ВЕТЕРИНАРНАЯ ПОЛИКЛИНИКА

Лечим болезни и травмы

всех видов домашних животных

**Говорим с клиентами на английском,
русском и украинском языках.**

(Это очевидно для собак и кошек полиглотов).

Вообще следует отметить, что составление активной стенобитной рекламы очень увлекательное дело. Хочется попробовать что-нибудь придумать самому. Например:

Впервые в Америке! Только в нашем экскурсионном бюро!

Туристическое агентство «Моисей» приглашает на пешеходный тур по Египту.

В программе тура — хождение по пустыне, хождение по морю, яко по суху, золотой телец и лекции со скрижалями. В стоимость путевки входят завтраки — в меню постоянно манна небесная. Спешите делать заявки, так как количество мест ограничено.

Тут я должен сделать небольшое лирическое отступление. Есть открытия, которые продвинули развитие человеческого общества намного вперед. Это открытие парового двигателя, электричества, открытие бензинового двигателя, пороха (хотя трудно утверждать, что оно дало только положительные результаты). Самым значительным из этих изобретений считается открытие колеса, хотя никому не известен этот великий изобретатель, облаченный в зверинные шкуры. А может быть это был плод коллективного творчества, и дружный

коллектив авторов-неандертальцев потом скандалил, устанавливая меру авторского участия.

Некоторые авторы считают, что весь прогресс человечества был создан тремя яблоками: яблоком, подаренным Евой Адаму, яблоком, стукнувшим бедного Исака Ньютона по голове и яблоком, изобретенным Стивом Джобсом.

Так вот, я бы причислил к великим открытиям папку с ботиночными тесемками. Сколько я ни перебирал после приезда в Америку бесчисленные органайзеры в специальных магазинах Steple и Office Max, начиная от тоненьких бьюваров до целых чемоданов с многочисленными отделениями, какие бы блестящие умы ни изобретали изощренные формы файлов для складирования документов, они не могли найти решение, которое бы заменило это идеальное канцелярское изделие. Огромные армии чиновников и прочих бюрократов ежедневно аккуратно складывают в эти папочки разные бумажки, не подозревая великого значения этих файлов. Мне могут возразить: а как же скоросшиватели, которые есть у всех чиновников. Извините! Скоросшиватель, конечно, изящная штука, но... Не во всяких документах можно пробивать дырки, нельзя калечить дыроколами фотографии и схемы, кроме больших документов есть и малые — всякие там квитанции, билеты, чеки. Папочки с тесемками универсальны. Ими

пользуются и чиновники, и инженеры, и экономисты, и ученые, и безусловно архитекторы. В такие папочки с тесемками, предусмотрительно привезенные мной из Киева, я собирал редакционные документы: вырезки из газет, заявки на объявления и на рекламу.

ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОГО МУЖЧИНЫ

Наша редакция размещалась, как я уже говорил, в бейсменте (цокольном этаже) Мишиного дома. У Миши с Софой был твин — так называют в Америке спаренный дом. При этом твин удачный. Гараж в нем выходил прямо на улицу. Так что с тыльной стороны не было драйвея (места для парковки и въезда в гараж). Это позволило сделать в бейсменте (цокольном этаже) нормальное окно и самостоятельный вход. Там и размещалась наша редакция. Я приходил туда к десяти часам утра. Майкла, как правило, уже не было дома — он где-то скитался якобы по делам, вызывая у Софы большие сомнения. Софа создавала одновременно газету и обед. Запахи упорно спускались к нам из кухни. Так что сразу по приходе я мог уже определить, какое меню сегодня будет представлено на трапезе у хозяев. Мила встречала входящую Софу ехидным вопросом:

— Вы что, Софочка, перешли на диету?

— С чего это ты взяла?

— Я же чувствую, что вы варите бульон.

— Не бульон, а настоящий еврейско-американский чикен-нудл суп, амиго.

Софа или София, как она любила чтобы ее называли, была дама убедительной комплекции и энергичного темперамента. При этом двигалась она весьма активно. У нее были небольшие усики. Она любила яркие одежды, солидный макияж и неформальную лексику. В свое время она окончила институт иностранных языков по специальности переводчика с испанского. Но поскольку общение с испанцами совсем отсутствовало, а в посольский корпус у нее не было доступа по известным причинам, она поменяла профессию и устроилась секретарем-машинисткой на кафедре то ли философии то ли истории (я точно не понял) учительского института. Были тогда такие институты на Украине. И если аббревиатура такого института в Луганске была ЛУИ, то в некоторых городах она имела весьма сомнительный вид. Но не будем углубляться в эти дебри. Софа не имела ни малейшего понятия в вопросах философии, но тем не менее вполне устраивала заведующего кафедрой, который по ее словам хоть и человек импозантный, но был дуб-дубарем. Она ему подходила по двум причинам: во-первых, она печатала протоколы заседания кафедры и прочих собраний без

черновики и вообще каких-бы то ни было подготовительных документов, так как чувствовала, что нужно шефу, во-вторых, она с увлечением занялась расхлебыванием всех внутрикафедральных интриг.

В Америке Софа поначалу пристроилась в магазинчике готовой одежды. Русского хозяина привлекло ее знание испанского. Он рассчитывал на испаноязычную клиентуру, которая имелась в этом районе. Однако вскоре обнаружилось, что ее испанский словарный запас беднее даже чем у людоедки Элочки — в памяти осталось не более десятка слов, среди них слово амиго, которое она постоянно употребляла по делу и без дела. Ее торговая карьера оказалась весьма недолгой. После этого она уговорила Мишу заняться извозом пожилых евреев-эмигрантов в Атлантик-Сити. Они — эти клиенты, хоть и стремились в город греха, но, как правило, не играли, зато получали за приезд в этот игорный центр по двенадцать долларов, и ездили туда как на работу. Но здесь конкуренция была весьма серьезной. И Софа с супругом ее не выдержали. Дело в том, что для такого бизнеса нужно иметь постоянную клиентуру, а стало быть, ездить каждый день. А Майкл этого не хотел. Его активность спортивного репортера этого не выдерживала. Шляться по бордвоку в течение восьми часов независимо от погоды он не мог

больше двух дней в неделю. Клиенты скоро разбрелись, и бизнес закрылся. И тогда Софа решила издавать русскоязычную газету.

— Пэрдонэ, — а чем мы хуже других, амиго, — взывала она к Мише. — Сейчас все равно никто не платит за статьи, а Интернет все равно один на всех. — Мучас грасьяс Америке, что у нас есть компьютер.

Моя супруга называла Софу Орантой. Поводом для этого послужила ее любовь к имени София и ее девичья фамилия — Киевская. Икона именно такого типа украшала центральный неф знаменитой Софии Киевской. Софа, услышав это прозвище выразила некоторые сомнения. «Уж слишком это отдает церковщиной, прямо пахнет ладаном, амиго. А впрочем, как хотите — звучит красиво».

Проблемы у нас появились после выхода восьмого номера газеты, то-есть буквально через два месяца после начала ее существования. В этот день я, как всегда, пришел на работу к десяти часам. Миши и Софы не было. В комнате сидела только Мила. У моего стола меня ждал посетитель. Это был пожилой еврей, облаченный в советский штучный пиджак и бейсболку с эмблемой клуба «Eagles».

— Вы ко мне? У вас что — объявление?

— Нет. Я принес стихи для публикации в вашей газете.

Следует отметить, что весьма значительная часть русских эмигрантов, до отъезда с территории СССР не подозревавшая о своих поэтических талантах, по приезде в Америку лихо переключилась на поэзию. Они осаждали местные русские газеты своими виршами весьма сомнительного качества, заполняя рубрику «Творчество наших читателей».

— Вы что — поэт?

— Вообще-то я на Украине был инженером по холодильным установкам, и у меня просто не было времени заняться стихами. Но здесь я почувствовал в себе способности к поэзии.

— Да! Как много русская литература потеряла Блоков и Бальмонтов в связи с огромной занятостью советских инженеров и младших научных сотрудников. И много у вас стихотворений?

— Вообще много. С этими восемьдесят четыре. И только несколько из них не очень удачные. Я уже собрал достаточно, чтобы издать книгу. Но вам я принес только три. Мне очень хочется увидеть их напечатанными.

Он выложил на стол листки бумаги с аккуратно переписанными от руки строчками.

— Позвольте, а почему все три посвящены одной и той же Розалии Бирон? Это что — ваша муза или дама сердца?

— Да что вы? Я же порядочный человек. Это моя супруга. Я Евгений Бирон.

— И что же, все стихи, которые вы подготовили для своей будущей книги, посвящены ей одной?

— Нет, не все, только лирические. И вы знаете, они-таки получились удачно. Она от них в восторге.

— Дай Б-г, чтобы наши читатели пришли бы в такой же восторг, как ваша благоверная. Только в таком виде я их не могу принять. Отпечатайте на компьютере и перешлите нам по электронной почте. Наверное у ваших детей или знакомых есть компьютер?

— У моего зятя есть компьютер. Но я не хочу его просить. Он с моей супругой в очень сложных отношениях.

— А вы не ставьте посвящения. Мы сами его поставим.

После ухода этого плодовитого поэта начались звонки, причем звонки крайне неприятные. Большинство из них начинались словами: «Вы что там с ума сошли или больные на всю голову? Вы хоть иногда читаете то, что у вас печатается?...» и т. д.

В это время появилась Софа.

— Здравствуйте, Софочка! А где Майкл?

— Буэнас тардес. Майкл помчался на блядки, (нужно отметить, что лексикон многих русских эмигрантов, когда они переходили на родной язык, отличался определенной вольностью). Он мне забивает мозги, что ездит за рекламой. А возвращается в восторженном состоянии и без всякой рекламы. А я ему говорю: «Ола. В гробу я видела такую рекламу. Ты только скажи мне, как ее зовут и кто она, и вы вместе с ней получите по первое число».

Высказывания Софочки носили, конечно, более откровенный характер, но как писал Александр Сергеевич: «Как бы это объяснить, чтоб совсем не рассердить богомольной важной дуры — очень чопорной цензуры». Поэтому мы даем ее монолог в сокращенном варианте.

— Софочка, тут приходил один поэт. Принес стихи.

— И ты их взял? Но компрендо! — Она посмотрела листки. — А, опять этот Псевдобайрон.

— Нет, он не Байрон, он другой, еще неведомый изгнанник, — перефразировал я классика.

— Почему неведомый? Еще какой ведомый. Нудный и бездарный, но кляузный чудак на букву «м». Поэтому иногда и печатаем. Он всем нашим

эдиторам надоел как горькая редька, он сидит у нас как кость в горле. Опять с посвящениями своей Розочке? И опять жаловался на своего зятя?

— Точно. Откуда вы все знаете?

— Так об этом знает весь их дом Советской Армии, сидящий на восьмой программе. Это тот, что на Бастлетон напротив бывшего Алика и баптистской церкви. Миленькое соседство для правоверных евреев. Они от этого поца бегают, как от чумы, потому что он всем хочет почитать свои вирши и пожаловаться на зятя и на свою мымру дочку.

«Дом Советской Армии» не имел никакого отношения к армии, а тем более к советской, просто на его фасаде стояли буквы СА, означавшие, очевидно, инициалы хозяина. Но его населению, состоявшему преимущественно из русских эмигрантов, такое ностальгическое название очень импонировало. Они это название лелеяли, вспоминая времена молодости, и даже день красной армии — 23 февраля встречали с особым шиком, приглашая в общедомовую гостиную старого аккордеониста-певца, исполнявшего, в основном, еврейские пасхальные песни.

— У вас сегодня на обед свиные отбивные? — прореагировал я на распространившиеся с ее приходом запахи. — А как же с национальными заповедями?

— Нас не обучали на Украине этим условностям, и к тому же мне сказал Моня (хозяин магазина), что это свинина кошерная.

— Хау ю дуинг! Я опоздал. Пришлось драйвать назад домой, я не взял кеш и не мог офордать гэс — Это появился дизайнер Изя. Он считал, что русская речь, пересыпанная английскими словами, больше походит на американскую.

— Хорошо, что ты пришел, — приветствовал его я. — Не хотел без тебя говорить. У нас большие проблемы. Меня все утро матюкают по телефону. Возьмите последний номер газеты и откройте на двадцать третьей странице. Нашли?

— Но компрендо, — сказала Софа. — Ну и что?

— А вы читайте!

— Оформляем студенческие визы F-1 и M-1. Нормальная реклама.

— Нет, ниже.

— Так ниже некролог.

— Его и читайте.

— «Скорбим о безвременно ушедшей от нас Марии Моисеевне Ройзман. Память о тебе, дорогая Муся, будет жить в наших сердцах. Дети, внуки, соседи по апартменту «Дипломат».

Над некрологом красовался портрет незнакомого бородатого мужчины. Очевидно его взяли из какого-то юбилейного поздравления.

— Звонили уже дети и внуки, и соседи из «Дипломата» тоже звонили, и возмущенно вопили: «Это издевательство! Это кощунство!» и другие слова покрепче. Я им отвечал: «Извините. Это ошибка нашего нового неопытного сотрудника. Мы ее исправим. В следующем номере будет разъяснение».

Софа повернулась к Изе:

— Мамма миа! Что ты наделал? В Советском Союзе тебя бы выгнали с работы и из партии.

— Я не был ни партийцем, ни комсомольцем, ни пионером. Вы мне дали текст с подколотой пикчерс. Я их что, читаю? При этом сайз этой пикчерс был такой маленький, что я боялся, что умерший не будет похож на живого. Но он оказался похож, только не на того человека. А куда вы смотрели?

— Да! Куда ты смотрел, амиго? — это уже ко мне.

— А я вычитывал верстку без иллюстраций.

— Надо дать опровержение. Деньги уже взяли, амиго. Сейчас же напиши и отдай Миле. Пусть всунет в новую верстку.

— А что писать?

— Так и пиши. Ун минуто... Некролог о смерти М. М. Ройзман, напечатанный в восьмом номере нашей газеты, считать недействительным.

— Чушь какая-то. Выходит, что дорогая Муся ожила.

— Си. Тут что-то не так. Значит нужно написать: «Помещенный над некрологом М. М. Ройзман портрет мужчины с бородой не является ее портретом». Совсем ерунда. А что, если так, амигос: «В некрологе М. М. Ройзман в восьмом номере нашей газеты была допущена ошибка. Приведенный на портрете мужчина не имеет к ней никакого отношения». Это уже звучит совсем как какая-то сплетня. А что это за мужчина вообще?

Может быть он имеет к ней прямое отношение. Может быть кто-то перепутал и дал портрет ее мужа или бойфренда?

Кто-нибудь знает, кто это такой, и как он сюда попал? Кто брал этот некролог? Это опять майкловы майсы, чтоб ему провалиться! А может быть не акцентировать на нем внимание? Написать, скажем так: «В некрологе М. М. Ройзман случайно приведен портрет другого пола с бородой».

— Какой это еще пол с бородой? — не выдержал я.

— Да сами придумайте наконец-то. Почему все я?

В итоге мы написали:

В некрологе М. М. Ройзман, опубликованном в восьмом номере нашей газеты, случайно вместо почившей приведен портрет незнакомого мужчины. Приносим свои извинения родственникам.

Редакция.

Как мне потом сообщили, родственники и соседи по апартаменту «Дипломат» все равно остались недовольны:

— Почему незнакомого? Очень даже знакомого! Это же Моня из квартиры 12в, у

которого месяц назад был юбилей. Вместо Мани похоронили Моню. Ничего себе свободная пресса в нашей коммьюнити!

Для нашей газеты это было начало конца. Нам боялись давать не только некрологи, но и юбилейные поздравления, которые были, в основном, большими и со стихами (очевидно Псевдобайрона или его коллег по дому Советской армии, как например):

С юбилеем поздравляем,
Счастья в жизни Вам желаем,
Будь счастливым навсегда
И на долгие года.

Переспорить автора этих стихов, доказывая ему, что «навсегда» исключает «долгие года», было невозможно. Но тем не менее эти панегирики были хорошим подспорьем нашего хиреющего издания.

Через месяц Майкл сообщил нам, что «в связи с матегиальными тгудностями мы будем сокращаться до одного газа в две недели», а еще через месяц газета закрылась. Я вернулся к старой работе восковщика в ювелирном бизнесе.

СНОВА ЗА БЕНЧЕМ

Бенчем (bench) назывался верстак за которым работали ювелиры и восковщики. Работа восковщиков заключалась в вырезывании из специального воска моделей ювелирных изделий. Она была иногда интересной, но, в общем, весьма однообразной. Особенно малопривлекательной и напряженной она была перед Рождеством, когда заказывалась масса name rings, name pendants и name earrings (именных колец, кулонов и серег). Заказчики не отличались большим разнообразием воображения, и все как один стремились либо увековечить собственное имя в золоте, либо преподнести подарок, увековечивающий имя их близких в драгоценных материалах. Это было в какой-то мере удобно. — Забыл имя неприятельной случайной приятельницы, заглянул ей в ухо, и нет проблем. Я сидел по много часов в органайзере с мощными линзами, поскольку работа была хоть и скульптурной, но уж очень мелкой, поистине ювелирной. Моими постоянными инструментами были ювелирный нож, бормашина с набором сверл, паяльник и ригель, нехитрый инструмент, определяющий размер колец. Особенно кропотливым было выполнение малых name rings. Для того чтобы изготовление такого колечка было выгодным по расходу золота, вес модели должен был быть не больше 0,1 грамма, т. е.

оно было тонюсеньким-тонюсеньким. И в то же время оно должно было иметь приличный вид.

В тот же вечер я созвонился с Борисом и на следующий день отправился в его мастерскую резать и паять воск. Она располагалась, как и подавляющее большинство ювелирных мастерских и магазинов в Downtown (в центре города), на улице Sansom, между Седьмой и Восьмой стрет. Эта золотая улица всегда имела жизнерадостный вид — яркие витрины магазинов сияли камнями, ювелирными изделиями и всякими удивительными часами. Браслеты и ожерелья висели на белых и черных пенопластовых и гипсовых манекенах. Посетителей в будние дни было немного, по улице шныряли приказчики из магазинов. Полиция проявляла к этому кварталу особое внимание — там всегда дежурило два полисмена, прогуливающих вдоль Sansom, подозрительно рассматривающих празднующихся. Периодически они гоняли водителей, желающих пристроиться в неполюженном месте.

Я доехал до терминала на улице Франкфурт, бросил машину в переулке и пошел к метро. Я не любил ездить в центр на машине по 95-й дороге. Продолжительность поездки была такой же, как и на метро, но сидя за рулем не считаешь и не попишешь, не помотришь по сторонам, а в метро — пожалуйста (эта линия — наземная). Кроме того,

в центре было плохо с парковкой и жалко было пятнадцати долларов. Напротив входа в терминал стояла длинная очередь, яркая, многоликая, болтливая и очень разнообразная. Она тянулась целый квартал по Франкфурт и заворачивала в переулок. В очереди слышны были клокочущие скороговорки испаноязычных, громкая речь афроамериканцев, птичьи рулады азиатов. Русских евреев, ведущих себя более скромно, можно было сразу определить по советским кепкам и пиджакам вместо принятых здесь курток. Это была очередь за пособием по вэлферу, тогда еще не было велферных дебет-карт.

Я прошел в метро, доехал до Восьмой стрит и вышел через огромный супермаркет «Геллери» на Маркет стрит. На многострадальном углу Маркет и Восьмой шла очередная стройка — мощные экскаваторы копали котлован. Еще при мне здесь стоял симпатичный многоэтажный жилой дом в стиле модерн начала XX века. Его снесли. Новый хозяин участка не стал долго думать на архитектурные темы, заасфальтировал участок и сделал открытый паркинг. Это было выгоднее — место было бойкое, и с первого же дня деньги потекли к нему широким ручьем. Так и стояло здесь чистое поле, заставленное машинами и обрамленное корявыми боковыми слепыми безоконными фасадами примыкавших к паркингу

жилых домов. Зрелище в центре города, скажем прямо, малоприятное. Теперь новый мэр решил устроить здесь Диснейлэнд. Ему хотелось, чтобы все привлекательные сооружения города находились рядом с Сити Холлом, и он бы мог наблюдать за ними из окна своего кабинета (стадион, Диснейлэнд, тюрьма, прокуратура и т. д.). С архитекторами и градостроителями он не советовался принципиально. Забегая вперед скажу, что все-таки нашлось пару толковых людей, объяснивших ему всю абсурдность этой затеи, и котлован стали лихорадочно засыпать.

В остальном здесь ничего не поменялось. На моем пути стояли все в тех же точках три хомлеса. Просить милостыню напрямую не разрешалось и они бренчали бумажными стаканчиками с мелочью и гнусавили «ченьдж, ченьдж, ченьдж...», в закутке у паркинга двое ханыг, сидя на парапете, пили что-то из бутылки, тщательно завернутой в оберточную бумагу. В мастерской встретили меня приветливо, Борис загрузил работой, я напялил биноккулярные линзы, отрезал один сантиметр восковой трубки для очередного кольца, прошелся внутри широким бором и начал вымерять на ригеле нужный размер.

В это время вбежал крайне возбужденный хозяин одного из магазинов со срочными заказом. Чувствовалось, что он заполучил солидного

заказчика. Все взаимоотношения были построены на честном слове. Хозяин магазина всучил Борису конвертик с картинкой изделия, вырезанной из рекламного буклета фирмы Cartier. Он подсовывал клиентам каталоги солидных фирм и гарантировал, что изготовит кольцо или кулон не хуже. Клиентов это привлекало, так как покупка этого изделия непосредственно в фирме стоила во много раз дороже. В конвертике были драгоценные и полудрагоценные камни, необходимые для изготовления пронг. Он быстро объяснил Борису, что он хочет, и начал длительный азиатский торг по срокам изготовления.

— Этот нэклас нужно сделать на пятницу.

— Так пятница же послезавтра.

— Ты пойми, — кипятился он, — я еле уговорил кастомершу. Она хотела получить его завтра. Я уже зачарджал с нее депозит (взял аванс), а это такая дама, что она может сразу сунуть заказ еще кому-нибудь.

— Так мне же нужно его откестать (отлить) и заполировать. А я сегодня не ставлю печь.

— Так поставь. Я тебе принес еще пару нэймрингов.

— Так я же еще их не резал.

— Так порежь! У меня и так не хватает времени, мне нужно будет еще дать сэтеру, заправить камни — я уже договорился с Алексом.

— Но это же невыносимые сроки!

— В общем, договорились (разговор слепого с глухим).

Посетитель убежал в страшном возбуждении (хозяева ювелирных магазинов всегда возбуждались, когда появлялся реальный заказчик). Борис спокойно бросил конвертик в общий бокс для заказов и сказал:

— В воскресенье будет время, я посмотрю, что они там накуролесили.

— Так он же просил на пятницу, — вмешался я.

— Увидишь, он скоропостижно исчез и раньше следующего вторника или среды не появится. Это он всегда торгуется на всякий случай.

Борис был опытный психолог. В общем, потекла обычная трудовая жизнь. Вслед за нервным ювелиром появился спокойный и улыбающийся китаец Ли Чанг. У него, очевидно, не было причин особенно нервничать. Он был владельцем всего этого четырехэтажного здания, в котором разместились всякие ювелирные мастерские, и просторного ювелирного магазина на первом этаже. Бизнес у него процветал, за хорошими камнями он специально летал в Голландию, где отлично делали огранку. Борис арендовал у него помещение. Недавно Ли Чанг сделал в своем магазине ремонт. Материалы завозили со двора и тихонько

разгружали, поставив «на шухере» несколько китайцев. Ни одного рабочего мы ни разу не видели, да и почти не слышали. По-английски они не говорили. Это были нелегалы и, естественно, не члены профсоюза. Работа их стоила раз в пять дешевле чем у профессионалов. Ли Чанг боялся неприятностей и демонстраций, которые устраивали профсоюзные деятели у входов в офисы, где работали непрофессиональные строители. Демонстранты надолго отпугивали клиентов от дверей магазинов.

В свое время его очаровали интерьеры казино в Лас-Вегасе, и он решил, что сделает не хуже. Зал оказался забит разнообразными орнаментами, китайскими иероглифами, вазами, искусственными цветами яркой расцветки и лихой рыночной живописью, а на сводчатом потолке парили нарисованные облака и птицы. И вот в этих облаках, как ангел — посланник божий, парил сам хозяин — его кабинет сделали между этажами. В его магазине работали только родственники. Но он никому не доверял, а родственникам тем более, и поэтому сделал свой кабинетик со стеклянными стенками и с входом с промежуточной площадки лестницы. Этот кабинетик располагался под потолком, и он мог следить за всем, что происходит в магазине.

Ли Чанг принес Борису очередной заказ и тут же стал излагать все ужасы своей эмиграции, как он бежал из Тайваня, как они с женой почему-то пробирались часами по пояс в ледяной воде, спасаясь от пограничников. При этом они не смогли ничего взять с собой. У них ничего не было. Только у супруги был один камешек в интимном месте. В каком именно — мы не стали уточнять. И вообще, сочувствие мы выражали весьма условно, так как это на моем счету был уже третий вариант биографии, но говорят, что их было значительно больше. Было и бегство из Сингапура в трюме парохода, было и бегство из плена без уточнения, какого плена и в какой войне. В общем, это был человек, обладавший богатой фантазией. Оканчивались все эти воспоминания хэппи-эндом.

— И вот благодаря непосильному труду я за пять лет стал владельцем этого здания и этого магазина. Как вам это нравится?

Нам это очень понравилось, мы его поздравляли и жали руку. Звучало это отраднo, но малореально. Тем более, что было непонятно, какой непосильный труд можно использовать в таком ювелирном бизнесе как у него — сидеть целый день в магазине, чесаться и ждать клиентов — и при этом заработать на этом непосильном труде миллионы. На ум приходили другие варианты его биографии, больше связанные с всесильными

китайскими триадами и отмыванием юаней, цзяо и, естественно, зеленых. Хоть у него и не было явных признаков причастности к этим, таким организованным и сплоченным китайским организациям — он не имел татуировок в виде черепов, драконов и кобр, но тем не менее мы понимали, что так просто миллионы бедным китайским беженцам, приехавшим нищими, несчастными и мокрыми от длительного сидения в воде, в Америке не выдают.

Кроме того, мы ему сообщили, что нам нравятся его успехи, но нам очень не нравится то, что он ночью заложил дверь из нашей мастерской на лестницу в здании, и мы теперь должны бегать в туалет по пустячному делу, выскакивая на улицу и входя в его владения через другую дверь. Да и дверь там не всегда открыта. Он записал нам код своего парадного подъезда, а от обсуждения этого вопроса уклонился, заявив, что ему некогда с нами беседовать.

На прощание я дал ему буклет с моими картинками. Он задержался и внимательно их рассмотрел. А потом отметил несколько, относящихся исключительно к еврейской тематике: «Шафар», «Массада», «Менора-семья». Я был удивлен таким выбором и поинтересовался уж не принял ли он иудаизм. На это он ответил, что как был буддист, так им и остался, но к тому же он еще

и католик. Сочетание необычное. Это была дань американским приоритетам — в то время еще не начался отхожий, очень выгодный промысел, построенный на том, что большинство католических ксендзов с помощью еврейских адвокатов обвинялись в педофилии. У азиатов всякое сочетание может быть — в Японии, например, одни и те же солидные люди исповедуют одновременно и буддизм и синтоизм. После этого он показал пальцем на «Шофар», где был изображен молодой еврей, трубящий в шофар на фоне Стены Плача, и спросил:

— А сколько будет стоить этот индеец, играющий на трубе?

— Пятнадцать сотен (до двух тысяч долларов американцы оперируют сотнями).

— А сколько часов вы этого индейца рисовали?

— Часов десять.

— Сто пятьдесят долларов в час? Неплохо. Зачем же вы сидите тут согнувшись над этим бенчем, или картины у вас не всегда так хорошо получаются?

— Да, хорошо получаются довольно редко, да и с индейцами в Филадельфии сейчас перебои.

Он ушел от нас в полном недоумении.

После его ухода я устроил себе перерыв на ланч и вышел на улицу Сэнсом. Ярко светило

солнце. Когда я зашел в мастерскую, я увидел очередного посетителя. Это был Джейкоб, молодой человек, державший вместе с отцом ювелирный магазинчик в Нью-Джерси. Джейкоб, а попросту Юра, приехал из Одессы. Какие могут быть увлечения у молодого одессита, получившего свое воспитание в недрах «нашей матери Молдаванки»? Естественно, — коллекционирование огнестрельного оружия. На эту тему, как всегда, он и вел беседу.

— Садись, Алекс, послушай, — заявил он как хозяин. — Тебе это тоже не повредит. Хотя ты, говорят, и профессор. Но в советских каледжах за эти вещи никто не беседует.

Я рассказываю Борису за мою коллекцию, чтобы, дай Б-г, мне никогда не приходилось ее применять в нашем бизнесе, а только развлекаться в тире. Аминь! Мне сдается, что наша профессия стоит по риску на третьем месте после полицейских и журналистов, а может даже на втором. Вы же знаете, что Моню с Джермантауна две недели назад шлепнули прямо на паркинге. При этом на него кто-то явно навел, так как при нем был саквояж с сэмплами с его шапа. Так вот, эта моя коллекция на прошлой неделе пополнилась сногшибательным парчезом. Мне удалось приобрести по ризонэбл прайсу браунинг девятимиллиметрового калибра модификации 71-го года. Это потрясающая

машина. Для вас, не тянущих в истории, могу сообщить, что с шата из этой игрушки началась первая мировая война. Именно из нее прикончили знаменитого старикашку Эрцгерцога Фердинанда. Конечно, не из этой модели, а из предыдущей, но это не принципиально. Вот вам, пожалуйста, мизерная Бельгия, маленький Бенилюкс. О них только и вспоминают, когда толкуют за драги да за проституток. А такую штуку соорудили!

Но, конечно, я больше всего уважаю германские огнестрелы. Я имею и вальтер и парабелум. Кстати, темнота, вы знаете, откуда явилось название парабелум? Есть такая латинская поговорка, дай Б-г память, чтобы не перевернуть. Си вис пасем, пара белум. Хочешь мира — готовься к войне. Да и откуда вам знать латынь, вы и по-английски тянете с большой напругой.

— А где же твой патриотизм? Почему ты пренебрегаешь американским оружием?

— Ну что ты! Я с большим уважением. Моя коллекция началась с элементарного кольта.

— А как ты относишься к советскому оружию?

— Ну что тебе сказать? Макаров мне не очень смотрится по дизайну. А ТТ был у меня в Одессе. У нас на Молдаванке у многих чуваков были заныканы стволы. Правда, на моем был сточен боек, да и затвор заедало, но если его вынимаешь,